
ЛИШЕНЦЫ 1920–Х ГОДОВ: СОВЕТСКОЕ СОСЛОВИЕ ОТВЕРЖЕННЫХ

Н.А. Фёдорова

В статье рассказывается об одном из аспектов социальной политики большевистского режима, направленной на повышение эффективности манипулирования обществом. Для защиты своей власти был введен принцип деления всех людей на «своих» и «чужих», юридически оформленный в избирательной системе. Начиная с первой советской Конституции 1918 года и вплоть до середины 30-х годов XX века в стране существовала категория «лишенцев», то есть лиц, лишенных избирательных прав. В статье на конкретно-историческом материале опубликованных и архивных источников рассматриваются социальные характеристики данной группы, нормативные акты, пересматривающие признаки, по которым человек попадал или выходил из этой категории, а также раскрываются социально-экономические последствия ограничения в правах.

Ключевые слова: «лишенцы», избирательная система, социальная политика, дисперсная маргинализация, управление обществом

Стратегии советской социальной политики в течение многих лет в значительной степени вытекали из задач формирования желательной классовой структуры. Этот процесс осуществлялся, с одной стороны, при помощи создания преимуществ для тех социальных групп, которые являлись «прогрессивными» с точки зрения доминирующей идеологии (индустриальных рабочих, в меньшей степени крестьянства), с другой стороны, ограничений, а подчас и физического уничтожения тех групп, которые воспринимались как «неблагонадежные» и отстающие (представители дворянства, купечества, духовенства, подозрительной интеллигенции, «неправильного» крестьянства). Эти преимущества и ограничения имели не только символический, политический и культурный

характер; существовали различия в доступе к материальным и социальным благам и ресурсам, а политические различия усиливались путем регулирования благополучия. Именно таким образом партия большевиков реализовывала свои принципы социальной справедливости — через возвышение одних и маргинализацию других. Важным элементом этой системы стало конструирование социальной категории «лишенцев», возникшей почти одновременно с созданием Советского государства.

В постсоветской исторической науке проблеме лишения определенных социальных групп избирательных прав уделялось внимание в основном в связи с изучением политических репрессий. В Екатеринбурге был опубликован сборник документов, специально посвященный «лишенцам» [Социальный... 1996. С. 3]. Можно сказать, что это издание, по сути, было первым по вопросу изучения законодательных норм советской социальной селекции. Проблема социального статуса «лишенцев» затрагивается в работах В.Н. Земскова, посвященных спецпоселенцам [Земсков, 2003]. В связи с проблемой массовых репрессий граждан в 1920—1940-х годах В.П. Попов обращает внимание на вопрос лишения определенной части общества избирательных прав в целях их отстранения от активного участия в политике [Попов, 1992]. Интересный подход к изучению советской маргинальности продемонстрирован в статье С.А. Красильникова [Красильников, 2003]. Автор предлагает классификацию маргинальности как социального явления и относит «лишенцев» к представителям повседневной маргинальности на том основании, что они не были физически изолированы от общества. Однако с этой точкой зрения вряд ли можно безоговорочно согласиться. Дело в том, что перечисленные в публикации группы экстремальных маргиналов, к которым С.А. Красильников относит спецпереселенцев, заключенных, ссыльных, тоже были «лишенцами» [Красильников, 2003. С. 6].

Что касается зарубежных исследователей, то можно констатировать большой интерес англо-американской историографии к феномену советского тоталитаризма и истории сталинизма. В частности, можно упомянуть работы специалиста по социальной истории Ш. Фицпатрик. Обращая свое внимание на историю повседневности, обыденной жизни людей в советской системе, она не обходит феномен социального неравенства [Fitzpatrick, 1999]. Феномен «лишенцев», маргинализации отдельных социальных групп так или иначе затрагивается во многих работах, посвященных социальной структуре советского общества. Например, В. Бровкин рассматривает эту группу, исследуя результаты взаимодействия большевиков с обществом в условиях новой экономической политики. Автор затрагивает проблему приспособления населения к новым порядкам, в том числе и в вопросе социальной и политической

идентификации [Brovkin, 1998]. В работе Н. Бэрона и П. Гатрелла анализируется взаимосвязь понятий «население», «пространство» и «власть». Стремление большевиков структурировать общество в соответствии с классовым подходом приводило к усилению контроля за жизнью социума, а следовательно, к особой роли статистических обследований [Baron, Gatrell, 2003]. Изменению хозяйственной жизни деревни, а также бесправному положению крестьян в период коллективизации посвящено исследование С. Мерля [Merl, 1990].

Проблема лишения советских людей гражданских прав при помощи правительственного регулирования включает в себя правовой, социальный, экономический, идеологический, этнический, демографический аспекты и требует глубокого всестороннего исследования. Настоящая статья посвящена скорее историко-правовому анализу, поскольку, не рассмотрев законодательную основу явления, вряд ли возможно говорить о его проявлениях в конкретных исторических обстоятельствах.

В условиях гражданской войны инструментом реструктурирования общества можно считать «красный террор», направленный на физическое уничтожение тех категорий населения страны, которые не вписывались в заданную военно-коммунистической идеологией модель. После установления классового мира происходит переход к новой экономической политике социальных «ножниц», с помощью которых шло перекраивание общества посредством ограничения определенной части населения в гражданских правах, в том числе избирательных.

На законодательном уровне данный подход был закреплен еще в первой советской Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов летом 1918 года. В основном законе страны определяется круг лиц, которые «не избирают и не могут быть избранными» (раздел IV, глава 13, статья 65), лишаются так называемого активного и пассивного избирательного права. По Конституции сюда относились лица: использующие наемный труд с целью извлечения прибыли; живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий, с имущества или чего-либо еще), частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и служители культов; бывшие служащие и агенты полиции, жандармерии, охранных отделений, а также члены царствовавшего дома; признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, находящиеся под опекой; «осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором» [Декреты... 1959. С. 561–562].

Довольно красноречивый собирательный образ врага, которого нельзя допускать к выборам и нельзя пропускать в Совет, нашел отражение на плакате 1919 года (см. ил. 1).

Здесь надо учесть, что выборы всех уровней власти происходили путем открытого голосования, простым поднятием руки на собраниях.

Ил. 1. Враги, которых нужно держать подальше от Советов (плакат художника Д.С. Мора (Орлова) «Кто против Советов», 1919 год)

На избирательном собрании могли присутствовать лишь лица, пользующиеся соответствующим правом. О времени и месте проведения такого собрания избирателям сообщалось не позднее суток до созыва, а согласно инструкции 1924 года этот срок был сокращен до 13 часов. Открывая избирательное собрание, председатель обязан был огласить список лиц, не имеющих права участвовать в выборах. При этом избирателям фактически отводилась роль статистов, так как на их рассмотрение представлялся заранее подготовленный безальтернативный кандидат или список, утвержденный партийными органами. Кворум не имел значения; избирательное собрание в случае недостаточного присутствия избирателей откладывалось на два часа, после чего считалось правомочным принимать любые решения, независимо от количественного состава [см. подробнее: Тимофеева, Федорова, 2002. С. 43–53; Тимофеева, Федорова, 2000. С. 43–53].

На протяжении 1920-х годов инструкции по проведению выборов неоднократно пересматривались. Неизменной оставалась практика составления перед каждыми выборами «Списка лишенных избирательных прав» и его обнародование, чаще всего путем публикации. Списки должны были быть обнародованы за неделю до выборов. Согласно

«Инструкции о пере выборах городских и сельских советов и о созыве волостных, кантонных и съезда Советов ТССР» 1921 года обжаловать решение избирательной комиссии можно в трехдневный срок с момента публикации списков. В избирательной комиссии, составившей данный список и фактически включившей жалобщика в число «лишенцев», были обязаны рассмотреть жалобу «лишенца» в суточный срок и с собственным заключением отправить в вышестоящую инстанцию ¹.

Инструкция ВЦИК «О выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» от 13 октября 1925 года возлагала на поселковые и районные (в городах) избирательные комиссии составление, рассмотрение и проверку, а также опубликование списка лиц, лишенных избирательных прав. Специально указывалось, что не лишаются избирательных прав лица, применяющие наемный труд в сельском хозяйстве, если это не влечет за собой расширения хозяйства за рамки трудового. «Основным признаком трудового хозяйства в данном случае является подсобный характер наемного труда и обязательное участие в повседневной работе в хозяйстве наличных трудоспособных его членов» [Собрание... 1926. С. 889]. Не должны были отстраняться от выборов кустари и ремесленники, владельцы и арендаторы мельниц, сложной сельскохозяйственной техники даже при условии наличия в хозяйстве одного наемного работника или двух подмастерьев (учеников), если они «лично участвуют в работах».

Тем не менее Декрет ВЦИК от 26 ноября 1926 года недвусмысленно указывал, что «земледельцы, имеющие наряду с земледельческими хозяйствами собственные или арендованные промысловые и промышленные заведения и предприятия (мельницу, крупорушку, маслобойку), ведущиеся с применением постоянного или сезонного наемного труда» должны быть в списке лишенных избирательных прав [Собрание... 1926. С. 889].

При этом расширялся и уточнялся список лиц, обязательно подлежащих лишению избирательных прав за свое прошлое. Со ссылкой на статью 65 Конституции РСФСР инструкция 1921 года особо выделяла белогвардейцев и лиц, принимавших участие в различных контрреволюционных бандах и восстаниях против советской власти ². Позднее перечень конкретизировался. Сюда относились

...служащие и агенты бывшей полиции, все служащие бывшего особого корпуса жандармов и охранного отделения, все лица, прямо или косвенно руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов как при царском строе, так и равно на территории, занимавшейся контрреволюционными правительствами, как то: министры и их товарищи, директора департаментов министерств,

¹ НАРТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–16.

² НАРТ. Ф. 732. Оп. 1. Д. 125. Л. 14.

генерал-губернаторы, главноначальствующие при чрезвычайной охране, военные и гражданские губернаторы, вице-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства, чиновники для особых поручений, председатели и члены уголовных департаментов, прокуроры и товарищи прокуроров судебных палат, председатели, члены, военные следователи, прокуроры и помощники прокуроров военных судов всех наименований, члены губернских правлений, земские, крестьянские и уездные начальники, классные чины Министерства внутренних дел и классные чины тюремного ведомства... [Социальный... 1996. С. 30].

Документы Национального архива Республики Татарстан позволяют проследить механизм практического применения данных постановлений и инструкций. Рассмотрим конкретный пример выборов в Бугульминском кантоне ТАССР. Его территория состояла из 14 волостей. Выборы проходили с 10 декабря 1925 года по 28 января 1926 года. В 510 селениях, согласно официальным данным, постоянно проживало 236 988 жителей, из которых 112 355 могли бы быть потенциальными избирателями, так как на момент избирательной кампании достигли 18-летнего возраста. Этот показатель как базовый примем за 100 %. Подсчет показывает, что от выборов было отстранено 1,72 % или 1 932 человека. Среди них 6 предпринимателей, 458 человек, живущих на нетрудовые доходы, 759 торговцев и их посредников, 513 служителей культа, 127 бывших служащих полиции и жандармерии, 56 осужденных, 7 умалишенных и 6 «прочих»¹. Как видно из приведенных данных основную долю «лишенцев» составляли лица, занимавшиеся торговлей — 39,3 %, и это в условиях, когда в стране проводилась новая экономическая политика, разрешившая частное предпринимательство и легализовавшая рынок. В этом политико-правовом контексте отстранение от участия в выборах за занятие торговлей выглядит как мера защиты интересов военно-коммунистического режима с его командно-административной системой. Ленинский призыв к коммунистам «научиться торговать», чтобы не проиграть экономическое соревнование двух систем — коммунистической и социалистической, — решался не на рынке, а путем применения против частной торговли всей административной мощи государства, в данном случае — в правовой сфере.

Не менее серьезную опасность для власти представляли и священнослужители — 26,6 % «лишенцев». Они могли составить большевикам конкуренцию в идеологической работе. В ряде кантонов духовенство среди лиц, отстраненных от выборов, даже опережало по численности торговцев. Так, например, в Лаишевском кантоне удельный вес служителей культа среди «лишенцев» составлял при выборах 1924 года 35,0 %,

¹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 925. Л. 28.

в то время как торговцы набрали 27,1 % ¹. Что касается «лиц, живущих на нетрудовые доходы», то сюда относились имеющие доход от сдачи имущества в аренду, в найм, живущие на доходы от ценных бумаг или иждивенцы, члены семей «лишенцев», не имевшие собственного, приносящего доход занятия.

В период с 5 по 26 января 1926 года прошли очередные выборы в Бугульминский городской Совет. Здесь картина складывается аналогичная, но удельный вес «лишенцев» среди горожан был выше — 8,86 % (609 человек из 6 875 человек старше 18 лет). Распределение по категориям было тем же, что и для сельской местности. Лидировали среди «лишенцев» торговцы и торговые посредники — 41,05 %, на втором месте было духовенство — 23,48 % ². Часто в документах встречается ссылка на статью 23 Конституции, позволявшую лишать избирательных прав людей, «кои пользовались своими правами в ущерб Революции» ³.

Периодический пересмотр инструкций, противоречия, в них содержащиеся, приводили к определенному произволу на местах, что вызывало необходимость разъяснений со стороны Наркомата юстиции или Прокуратуры условий, по которым можно было не допускать к выборам. Иногда вышестоящие органы отправляли на места письма с грифом «Секретно». Так, в письме ЦИК ТАССР от 18 ноября 1929 года № 97/с «О составлении к выборам списков лишенных избирательных прав» указывалось, что «если в распоряжении с/совета имеется какое либо личное заявление данного лица, в котором он признает обстоятельства, дающее основание лишить его избирательных прав, то никаких других документов больше не нада» (орфография сохранена. — *Н. Ф.*) ⁴. Если же имеются сведения, что данное лицо ведет скрытую торговлю, скупку или иные коммерческие операции, то эти сведения необходимо оформить в виде допроса свидетелей. Полученный документ приложить к делу, а его копию направить в финансовые органы для привлечения данного лица к выборке патента. Однако включение в списки лишенных избирательных прав должно производиться немедленно, не дожидаясь проверки фактов со стороны финансовых органов ⁵.

Ужесточение режима можно проиллюстрировать данными о выборах 1929 года в Казанский городской Совет. Они проходили с 5 февраля по 11 марта 1929 года. Удельный вес «лишенцев» достиг 14,1 %, или в абсолютных значениях — 16 070 отстраненных от выборов и 98 039 имеющих право голоса. Среди «лишенцев» по-прежнему лидировали по

¹ Подсчитано по данным: НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 394. Л. 52.

² Подсчитано по данным: НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 925. Л. 30.

³ Там же. Д. 394. Л. 52.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

численности торговцы — 4 943 человека (30,76 %), близко к ним примыкала группа лиц, не имевших собственного занятия, иждивенцев — 4 694 человека (29,21 %), следом за ними шли лица, живущие на нетрудовые доходы, — 3 060 человек (19,04 %). За использование наемного труда в собственном деле были отстранены от выборов 1 268 человек (7,89 %), близко к ним по численности находилась группа священнослужителей — 1 139 человек (7,08 %). Число агентов и служащих бывшей полиции и жандармерии составило 454 человека, в судебном порядке были отстранены от выборов 447 человек, 62 — были признаны недееспособными¹. Под угрозой уголовной ответственности «лишенцы» при смене места жительства должны были регистрироваться в административных отделах местного управления для включения их в списки лишенных избирательных прав к очередным выборам [Социальный... 1996. С. 80].

Какие последствия для благополучия лица, оказавшегося лишенным избирательных прав, имело это решение? Прежде всего, необходимо отметить, что лишение избирательного права автоматически распространялось на членов семьи, находящихся на иждивении у данного лица, зависящих от него экономически. Следовательно, фактическая численность неполноправных граждан примерно в четыре-пять раз больше численности «лиц, лишенных избирательных прав». В сельских местностях этот показатель был несколько выше, чем в городах в связи с большим размером семей. Так, по данным 1924 года, в год принятия Конституции СССР, подтвердившей наличие неполноправных граждан, в Российской Федерации «лишенцы» составили 1,6 % общего числа избирателей. Казалось бы, небольшая величина, но при переводе ее в абсолютные данные она достигает 700 тыс. отстраненных от выборов «по классовому признаку». Только по Уральской области в том же году от выборов было отстранено 39 630 человек [Социальный... 1996. С. 32].

Важнейшим элементом социальной политики советской власти было закрепление в различного рода подзаконных актах, инструкциях последствий лишения избирательных прав. На практике «лишенец» не только не мог избирать и быть избранным в органы государственной власти, но также не мог занимать любую государственную должность, учиться в средних специальных и высших учебных заведениях. Он лишался всех пособий, пенсий, компенсаций, даже карточек (при системе карточного распределения, введенной в СССР в 1928 году). С начала 1929 года законодательно оговариваются категории населения и условия получения «заборных книжек» на хлеб, но статус «лишенцев» никак не оговаривается.

Введение в СССР института прописки, фактически прикрепляющего гражданина к определенному месту жительства, недостаточно

¹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1342. Л. 98.

исследовано. В современной литературе пишут о введении паспортной системы, однако еще во второй половине 1920-х годов в городах устанавливается правило регистрации документов, удостоверяющих личность по месту жительства. Осуществлялось это на платной основе, и весьма показательно выглядит постановление Президиума Казанского городского совета от 29 ноября 1928 года о введении прописочного сбора в Казани. Этот документ устанавливал твердые ставки за каждую прописку для рабочих, служащих, крестьян, мелких кустарей и ремесленников в 25 к., а для торговцев и лиц с нетрудовыми доходами — 5 р. С членов семей, то есть с иждивенцев плата взималась в том же объеме, как и с лиц, на иждивении которых они живут [Собрание... 1928].

С 1929 года началось очередное наступление на «нетрудовые» элементы в жилищном вопросе. После Постановления ВЦИК и СНК РСФСР № 175 «Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах...» было принято постановление Казанского горсовета № 245. Несмотря на указание о том, что «лишение избирательных прав само по себе не служит основанием для выселения», предписывалось «выселять в административном порядке... бывших домовладельцев и лиц, источником существования которых являются занятие торговлей, поставками, посредническими, маклерскими, биржевыми и т. п. операциями, а также и овладение денежными капиталами или процентными бумагами» [Собрание... 1929].

В случае поступления на какую-нибудь работу «лишенцу» назначалась самая низкая заработная плата, при службе в вооруженных силах его направляли либо в штрафную роту, либо в тыловое ополчение. Здесь надо отметить, что в 1930-е годы служба в армии позволяла после демобилизации восстановиться в правах. «Лишенец» и члены его семьи не принимались в колхоз, не могли стать членами кооператива, артели, а при налогообложении им полагалось «твердое задание».

Исполнение перечисленных ограничений неминуемо влекло за собой разобщение городского и сельского населения. Самой массовой категорией «лишенцев» были крестьяне, чье хозяйство позволяло использовать наемный труд. Постепенно сам факт лишения избирательных прав напрямую стал ассоциироваться с принадлежностью к кулацкому слою крестьянства, однако в избирательных инструкциях 1920-х и начала 1930-х годов не было указания на лишение избирательных прав за принадлежность к кулачеству. Впервые подобная установка появится в 1934 году. В то же время инструкции по проведению выборов в Советы различного уровня содержат перечень экономических характеристик, по которым крестьянина могли не допустить к участию в выборах. Именно эти экономические признаки подготовили почву и легли в основу Постановления СНК СССР от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств» [Документы... 1989. С. 221–222].

Чтобы быть причисленным к кулацким хозяйствам, достаточно было обладать хотя бы одним из перечисленных показателей:

а) систематическое применение наемного труда. Стоит обратить внимание, что Постановление содержит оговорку о случаях использования наемной рабочей силы в сельском хозяйстве или кустарных промыслах в объемах, не влекущих за собой поражения в правах. Не должны были лишаться избирательных прав крестьяне, имеющие одного наемного работника в силу особых обстоятельств, к которым относились болезнь, уход кормильца на сезонные заработки, мобилизация, избрание на общественную должность. На время уборки урожая допускался найм двух, но не более, работников [Собрание... 1926. С. 890];

б) наличие в хозяйстве мельницы, маслобойки, крупорушки, просорушки, шерстобитки, волокончесалки, терочного заведения, картофельной кладовой или овощной сушилки или другого промышленного предприятия при условии применения механического двигателя, а также если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя или более поставами;

в) сдача в наем сложных сельскохозяйственных машин с механическим двигателем;

г) постоянная или сезонная сдача в наем помещений под жилье или предприятие, под склады; наличие отдельно оборудованного дома или дачи;

д) занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством, наличие нетрудовых доходов, профессиональная принадлежность к религии.

Кроме того, Постановлением ЦИК и СНК Татареспублики специально оговаривалось, что для признания хозяйства кулацким надо, чтобы размер дохода при налогообложении на одного едока превышал 240 р., но составлял не менее 1 200 р. на все хозяйство [Красная Татария. 1929. 2 октября].

Периодически рассылались циркуляры и инструкции, призывавшие усилить бдительность при составлении списков лишенных избирательных прав. В динамических статистических отчетах требовалось объяснять причины сокращения численности «лишенцев». Дошло до того, что при переучете кулацких хозяйств, проводившемся по решению ГПУ в 1932 году, в опросном листке, заполнявшемся на каждого единоличника, признанного кулаком, вопрос о правах был сформулирован следующим образом: «Лишен ли избирательных прав, если нет, то почему?». Работники сельсоветов, заполнявшие эти формуляры, были вынуждены оправдываться, что по их недосмотру кто-то еще имеет избирательные права ¹...

¹ НАРТ. Ф. 732. Оп. 4. Д. 1 и др.

К недозволенным занятиям, считавшимся нетрудовыми, было отнесено духовное служение. После отделения церкви от государства духовенство было поставлено вне социальной структуры, служители культа, независимо от конфессиональной принадлежности, считались лицами, живущими на нетрудовые доходы, и даже простое посещение культовых зданий во время проводившейся там службы воспринималось как проявление антигосударственной активности. Весьма красноречивы обращения во власть с просьбой о восстановлении в правах, где граждане раскаивались в том, что долгое время верили в Бога, писали, что эта вера была «по глупости», «ошибкой».

Вообще, проблема борьбы граждан за восстановление в правах может служить отдельной темой исследования. Эту борьбу следует рассматривать как пример мирного сопротивления проводимой политике с использованием правовых методов. «Быть гражданами СССР и не иметь право голоса, значить считать себя заживо погребенными, или еще хуже какими либо животными хрюканье коих ничто», — писал один из лишенцев, обращаясь за восстановлением своих прав (орфография сохранена. — *Н. Ф.*) [Крестьянские... 2001. С. 149].

Сохранились в архивах и вошли в ряд публикаций обращения «лишенцев» или им сочувствующих к различным властным структурам: от районных (в городах) и поселковых избирательных комиссий до личных писем М.И. Калинину как главе государства. В этом ряду особое место занимают письма в редакции газет с надеждой на «четвертую власть». Однако советская пресса всегда была на стороне государства и независимостью не отличалась. Достаточно привести пример лишения волостным исполкомом права голоса крестьянина, имевшего пять десятин земли на семью, состоящую из шести человек, и мельницу с одним поставом. В ответе заведующего консультацией «Крестьянской газеты» Дунаева и помощника специалиста по земельному вопросу Преображенского сказано, что данного крестьянина «как владельца предприятия, имеющего нетрудовой доход, могли отнести к лицам, лишенным избирательных прав» [Крестьянские... 2001. С. 147].

Можно предположить, что лишение избирательных прав выступало и как средство решения межличностных отношений, как инструмент сведения личных счетов. Так, например, был лишен права голоса председатель сельского совета. Причем, судя по его письму, неоднократно занимавший этот пост, а также работавший на выборах общественных должностях в волости и районе [Крестьянские... 2001. С. 152].

Несмотря на многочисленные случаи вынесения неправомочных решений в народе жила вера в высшую справедливость государства. В ряде писем-обращений во власть люди пытаются ходатайствовать за односельчан, соседей, считая, что тем самым они помогут исправить допущенную случайную ошибку. Так, например, просили рассмотреть

вопрос о восстановлении в правах бывших городских, указывая, что те в 1917 году сразу перешли на сторону революции, в гражданскую войну были красноармейцами, а сейчас — деревенские бедняки. В некоторых случаях ходатайствовали целые селения [Крестьянские... 2001. С. 138, 154]. Весьма типично в этом плане выглядит письмо Габдулхака Исхакова из деревни Старо Аширово Бугурусланского округа Абдуллинского района ТАССР. Оно обращено к «Великому путеводителю тов. Калинин». Письмо начинается с подробного рассказа о себе и своем хозяйстве. С гордостью крестьянин пишет, что его семья совершенно ни в чем не нуждается. Видимо, здесь сказывается старое понимание стыда быть иждивенцем у власти. Г. Исхаков старается подчеркнуть свою трудовую активность, которая позволяет ему все налоги государству платить исправно и даже с опережением срока. Свою лояльность режиму автор определяет фразой о том, что «против государства ничего не говорил, отчего — твердо оберегаюсь».

Из обращения следует, что предвыборная кампания лишила его избирательных прав за то, что он «помогал собирать для мечети вспомоществование. Об оказании... помощи мечети передали два гражданина, имея в виду этим защитить свои интересы»¹. Исхаков обижен еще и тем, что его заявление о неосновательном лишении прав не было рассмотрено в избирательной комиссии потому, что было написано на татарском языке. Он сравнивает работников избиркома с «бывшими чиновниками» и ищет защиты, справедливости у М.И. Калинина как главы государства. К сожалению, нет возможности проследить дальнейшую судьбу крестьянина, но, судя по протоколам рассмотрения подобных обращений в местные органы власти, решение принималось, исходя из «классового принципа» — в восстановлении в правах отказывали кулакам, духовенству, членам семей духовенства, торговцам.

Ради восстановления в правах, судя по заявлениям, подаваемым в избирательные комиссии, по письмам в адрес центрального и местного руководства люди жертвовали многовековыми моральными принципами — отказывались от членов семьи, от своего прошлого, шли на откровенное вранье, на подкуп должностных лиц, от которых зависело принятие положительного решения. Можно сделать вывод о том, что практика лишения избирательных прав размывала духовные ориентиры общества, лишала его нравственных принципов и позволяла легче им управлять.

По сути дела власть сознательно маргинализировала общество, превращая «граждан» в «население». В ходе социального эксперимента советской власти рождались советские сословия, куда людей определяли правовыми нормами. В этом плане можно согласиться с Ш. Фицпатрик, предложившей сам термин «советские сословия» [подробнее см.: Фиц-

¹ НАРТ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 88. Л. 29–30.

патрик, 2001. С. 182, 199]. Большевики продемонстрировали себя в этом скорее идеалистами, чем последовательными марксистами, стоящими на позициях исторического материализма.

В этих условиях неуютный системе человек обрекался на вымирание, молодежь лишалась как социальной, так и экономической перспективы, свободного выбора профессии, сферы приложения своих способностей. И жаловаться в государстве диктатуры пролетариата «лишенцу» было некуда. Показательным в этом плане выглядит постановление Президиума ВЦИК «О запрещении государственным учреждениям и организациям требовать от граждан представления справок о наличии избирательных прав». Датируется этот документ 30 октября 1931 года, и в преамбуле перечисляются случаи, «не предусмотренные законом», требования с граждан справок о наличии у них избирательных прав — при прописке, взятии на учет органами труда, поступлении в вузы. Казалось бы постановление направлено на восстановление социальной справедливости и должно запретить эту практику, но далее выясняется, что запрет касается только оформления официальных бумаг, так как «создает излишнюю работу для органов власти по выдаче указанных справок» и не распространяется на требование собственно сведений об избирательных правах. Отныне сам гражданин сообщал о себе необходимые данные и за ложные сведения о наличии или отсутствии избирательных прав, а также за неправомерное пользование этими правами нес уголовную ответственность [Социальный... 1996. С. 95–96].

«Лишенцы» становились изгоями общества, маргиналами, и эта маргинализация носила дисперсный характер, особенно в 1920-е годы. В условиях новой экономической политики существовала «переходная» социальная структура, в которой еще бытовали дореволюционные слои и группы населения. В целях их реструктурирования и проводилась большевиками социальная политика, одним из инструментов которой была практика отстранения от общественной жизни и ущемление в социально-экономическом плане тех категорий населения, которые определялись как политически опасные. Государство на законной основе нейтрализовало недовольство, даже возмущение значительной части «непролетарской» массы населения. Позднее, когда начнется политика массовой коллективизации и раскулачивания, явившихся первой волной массовых репрессий в нашей стране, маргинализация примет экстремальный, концентрированный характер, потребуются особый аппарат контроля и репрессий, появится огромный аппарат ГУЛАГа, спецпоселения и многое другое, что ассоциируется с советской машиной социального регулирования.

Список сокращений

НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан.

Список источников

- Декреты Советской власти.* М.: Политиздат, 1959. Т. 2.
- Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг.* М.: Политиздат, 1989.
- Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М.: Наука, 2003.
- Красильников С. А.* Маргиналы в постреволюционном российском обществе в 1920–30-е годы // Вестник РГНФ. 2003. № 4.
- Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах.* М.: РОССПЭН, 2001.
- Менталитет и аграрное развитие России.* М.: РОССПЭН, 1996.
- Попов В. П.* Государственный террор в Советской России в 1920–40 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР.* 1926. № 75. Отд. 1.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Татреспублики.* 1928. № 426.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Татреспублики.* 1929. № 25.
- Социальный портрет лишенца (на материалах Урала).* Екатеринбург: УрГУ, 1996.
- Тимофеева Л. С., Федорова Н. А.* Казанский городской совет в 20-е годы XX века // Казанский посад в прошлом и настоящем. Казань: Мастер Лайн, 2002.
- Тимофеева Л. С., Федорова Н. А.* Советская избирательная система при переходе к НЭП // История государственности Республики Татарстан и современность. Казань: Мастер Лайн, 2000.
- Фицпатрик Ш.* «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Самарский ун-т, 2001.
- Brovkin V.* Russia after Lenin: 1925–1929. London; New York: Routledge, 1998.
- Baron N., Gatrell P.* Population Displacement, State-Building and Social Identity // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian and Eurasian History. 2003. Vol. 4. № 1. Bloomington, Indiana. P. 51–100.
- Fitzpatrick S.* Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.
- Merl S.* Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems. 1930–1941. Berlin: Duncker & Humblot, 1990.

Наталья Анатольевна Фёдорова
канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории
Казанского государственного университета
электронная почта: Natalia.Fyodorova@ksu.ru
